

Глава 5 О бюрократии, любви и вкусняшках

Быстрая дробь ударов пальцев по клавишам и литер по бумаге почти сливалась в гул, словно удары капель по подоконнику от дождя, стоящего на грани превращения в ливень. Но за окном царил зима, а источником шума внутри помещения являлась юная брюнетка, которая с не слишком довольной миной на сосредоточенном лице колотила по кнопкам пишущей машинки. Время от времени тёмно-серые глаза отрывались от механического устройства и алчно оглаживали взглядом исходящую ароматным паром чашку с утренним кофе, а также стоящую рядом с ней тарелку с теплыми, только испечёнными, хрустящими снаружи, но сладкими и мягкими внутри, такими аппетитными и манящими булочками.

Мням-с!

После этого, жадно втянув носом вкусный воздух и сглотнув слюну, изголодавшаяся девушка вновь сосредотачивалась на работе, изо всех сил стараясь не ускоряться сверх меры, дабы не сломать нежный механизм.

Отчёты... сколько всего намешано в этом слове! Особенно для человека, вынужденного регулярно с ними возиться. Даже появление довольно продвинутой и прочной — относительно большинства иных — пишущей машинки, что, в сравнении с рукописным измывательством над собой и бумагой, значительно ускорило процесс непосредственно написания, не смогло изменить отношения к данному занятию. Приходилось мотивировать себя различными, порою самыми бесчеловечными способами. Вроде просьбы к Одри: принести разленившейся госпоже вкусный завтрак... Который, следуя молча данному себе самой обещанию, можно съесть только после завершения клятого отчёта!

«С-с! Ненавижу!» — пальцы замелькали чуть быстрее.

Даже ускорение разума и потянувшиеся вслед за ним ментальные дисциплины не помогли избавиться от нелюбимой обязанности. Хотя последнее не удивительно: ведь способность думать в десятки и сотни раз быстрее не уменьшает количество трудозатрат на писанину, она просто сокращает траты объективного времени. А вот время субъективное, напротив, растягивает...

Драгоценное время, значительная часть которого уходит на эти глупые, отодвигающие завтрак

формальности!

Увы, пишущая машинка — отнюдь не компьютерная клавиатура и уж тем более не фантастический нейроинтерфейс (а жаль!). Здесь недостаточно лёгкого и стремительного касания кнопки или сенсора, по клавишам нужно именно стучать, дабы заставить внутреннюю механику работать. Соответственно и ограничения на скорость движений тут гораздо жёстче. Любое слишком резкое и сильное нажатие чревато последствиями: читай, поломкой очередного устройства, которая затормозит работу ещё сильнее.

И сами эти бумажные записи... Каким же они кажутся кастрированным примитивом по сравнению с прямым обменом информацией, коим мы с Паулем пользовались ещё вчера! Потратить в десять раз больше времени, дабы передать едва ли десятую часть данных, допустимых для обнародования перед начальством... которые оное начальство, глядя через призму собственного восприятия, ещё и может интерпретировать не совсем верно.

Или совсем «не», что тоже бывало.

Эх-х... Хочу навык создания информационных баз! И производство устройств для их считывания, пригодных для использования любым человеком. Угу, собственную корпорацию «Нейросеть» из мира космических шахтёров, пиратов и прочей космофантастики. (И машинку. Да: специализированную машинку для оперативного закатывания губы). Ну, или хотя бы время и ресурсы на создание биологического некрокомпьютера из лишённых личности и воли мозгов. Мне ведь даже не обязательно, чтобы они принадлежали одарённым, способным освоить навык разгона разума: методики «прокачки» нежити уже известны и (частично) отработаны.

Нужно лишь решить парочку... десятков сопутствующих технических проблем. Мелочи какие, право слово!

И вот тогда могучий искусственный интеллект покажет всем этим противным бумажкам и жаждущим их жалким людишкам, как нехорошо заставлять одну добрую девочку-волшебницу над собой издеваться! Ничтожные бюрократы должны знать своё место! А кто не знает — заслуживает смерти... и общественно-полезной работы после неё!

...Как, в общем-то, и все остальные. Ведь правильная смерть — это не конец, а лишь новый шаг

на эволюционном пути человечества! Можно сказать — новое прекрасное начало. А что? Отсутствие слабостей и потребностей живого тела (но кушать вкусняшки, конечно, можно), бесконечная жизнь, возможность модифицировать свою платформу для существования в самых разных условиях — или вообще поменять старое тело на новое, если что-нибудь не устраивает. Единая мысленная сеть, из которой каждый способен черпать знания, навыки и развлекательный контент. Опционально — экспансия, одаряющая всем этим отсталые цивилизации.

Разве это не прекрасная утопия? Причём не застывшая, но способная к развитию!

И добавлять в общую сеть что-то своё тоже можно, она ведь должна расти? Должна. Как и сообщество новых людей — тех, что с приставкой некро-. Но только под присмотром кластеров некрокомпьютера. Нам ведь не нужны всякие деструктивные вещи? Да и ненавязчивый контроль за устремлениями рабо... кхем, то есть различных пользователей некросети тоже не мешает. А тех, кто думает не то и не так, как надо — их можно подвергнуть аккуратной коррекции. Ради их собственного блага, разумеется. И вообще, столько душ и целый мир под фактически полным контролем — это ведь, считай, собственное Владение! Нужно лишь немного подтолкнуть его частички, помочь самостоятельно возжелать единства и слиться в одно сверхсущество.

Меня!

Кхм, то есть мне просто нужен интерфейс и устройство, которое напечатает остодемоневшие отчёты. Никаких Империй Некронов и тьфу-тьфу, Единства с Братскими Лунами — не надо! А то я себя знаю... Нет-нет, даже не думать в эту сторону, нашему миру и Эсдес с её Зимой хватит! Незачем добавлять в список потенциальных апокалипсисов ещё один bad end. То есть «Dead End». То есть...

На несколько секунд прекратив печатать, делаю перерыв, чтобы потрянуть головой и потерять виски, утихомиривая расшалившихся «мозговых тараканов», которые под влиянием голода и тёмной энергии порою мутируют в нечто и вовсе уж непотребное.

Хмыкнув над своими умственными завихрениями, продолжаю бить пальцами по клавишам.

Наконец, покончив с нужным, но неприятным делом составления черновиков документов, которые через день, после сверки с отчётами группы и сделанных на этой базе исправлений — да, переписывать придётся не только мне, но и ребятам — отправятся в соответствующие инстанции. А также отложив в сторону те бумажки, которые надо сдавать уже сегодня утром — отчёт об аудиенции с Императором и протокол последующей беседы с Онестом — я наконец-то придвинула к себе вкусную, полностью заслуженную и выстраданную «награду».

Под приятный хруст золотистой корочки вгрызаюсь в сладкую, пахнущую сдобой пышную мякоть. М-м-ням! Лепота-то какая! Настроение тут же скакнуло ввысь, в одночасье выметя из сознания все глупости про создание «утопии», что на деле является долгосрочным проектом выращивания общества рабов, которое в итоге станет пищей и трамплином для вознесения очередного демонического Владыки.

И кто теперь скажет, что вкусняшки — это не добро? Они сейчас, быть может, хе-хе, мир спасли! От страшной и ужасной меня. А вообще заметно, что Одри, которая и занималась приготовлением завтрака, не была баклуши во время моего отсутствия — наоборот: усердно постигала кулинарную премудрость, старательно прогрессируя. Молодец. Оно и неудивительно: девушке нравится готовить. Делаю глоток горячей чёрной жидкости — сладкой, приятно горящей вкусом в меру обжаренных и хорошо заваренных кофейных зёрен. Красота!

Да, определённо, Одри нужно похвалить за улучшенные умения. И даже прибавить зарплату, поощрения ради. Но вот эта её любовь к маленьким порциям...

Разве восемь булочек с мою ладонь размером — это завтрак?!

Спрятав черновики и готовые отчёты в сейф, довольно насвистывая, подхватываю посуду и направляюсь на кухню. Не то чтобы мне обязательно самой относить посуду, имея собственных слуг; но если лениться обслуживать себя хотя бы по минимуму — не заправляя постель, разбрасывая пустую посуду и мусор, дескать, «прислуга уберёт» — то можно не заметить, как деградируешь. Множество балованных и капризных дворянских детишек, выродившихся, то есть выросших, в ничтожных прожигателей жизни и состояния предков, подтвердят сие утверждение личным примером.

Поэтому — вперёд, на кухню! Кто сказал "на дождь"?! Ложь и клевета!

Хотя совместить полезное с приятным можно, да, можно...

Красиво и функционально обставленная комната — спасибо порушившим прошлую обстановку хулиганам и их боссам, очень желающим жить, а потому щедрым и внимательным — встретила меня запахом чая и выпечки, а также голосами, в том числе и незнакомыми. Наличие лишних людей не удивило: всё же я старалась всегда отслеживать присутствие живых душ в ближнем радиусе, поэтому присутствие поймала заранее. Но лёгкое любопытство они разбудили, ведь сигнатуры казались — тускловатую энергетику неударённых различать кратно сложнее — незнакомыми.

Посмотрев на происходящее своими глазами, убеждаюсь в своей правоте. Голоса принадлежали не виденной ранее троице из синеволосого парня — скорее молодого мужчины лет двадцати пяти — и двух молоденьких девушек: рыженькой и ещё одной синеволосой. Последняя обладала чуть более светлой, чем у парня, но несколько более густой копной волос, заплетённых в аккуратную косу и имела схожие — со скидкой на половой диморфизм — черты. Эти неожиданные гости вели беседу с Одри и Джимом, вторым моим слугой: немолодым и немногословным южанином крупного телосложения, который занимался мужской работой по дому, а также исполнял роль сторожа.

И вся пятёрка с аппетитом наворачивала мою выпечку! Грр!

— Вот так трудятся преступники! — поставив тарелки и уперев руки в бока, воскликнула я, глядя на данное «безобразие». — Бедная хозяйка голодает, а слуги тут плюшками балуются. Ещё и с гостями, — означенные гости, не зная, что им делать, так и застыли молчаливыми сусликами, готовые как кланяться и извиняться, так и быстро выметаться вон. — И кто тут, спрашивается, на кого работает? А?!

— Но госпожа, — весело блеснув глазами, обратилась ко мне вежливо поднявшаяся из-за стола, но при том ничуть не утращённая Одри. Правил она не нарушила, к тому же ещё до отбытия группы А на Северо-восток успела привыкнуть к юмору и незлобному нраву своей работодательницы, оттого и не испугалась, пусть и смутилась немного. — Вы ведь просили лёгкий завтрак, а я принесла вам целую тарелку булочек!

— Не целую, а всего лишь одну! — важно помахав поднятым вверх указательным пальцем, поправила я. — Так что давай-ка, показывай, где лежат остальные! Мне нужно подкрепиться перед хлопотным днём, — подозрительный прищур. — Вы же ещё не всё съели, злодеи? Заодно познакомишь с гостями.

Самостоятельно орудовать на кухне мне не позволили: «невместно», — поэтому, пока Одри собирала поднос, я, как и положено начальству, сидя на стуле и попивая чай, наблюдала за её суетой, заодно беседуя с неожиданными визитёрами.

Как оказалось, троица была не родственниками или знакомыми моих слуг (и даже не кандидатами в новые сотрудники), а просто попавшими в трудную ситуацию людьми. Кафе, соседнее с тем заведением, где Одри берёт уроки, недавно закрылось — его хозяина и руководителя арестовали по какому-то там обвинению на волне очередных чисток — и троица, прибывшая в Столицу к обещавшему устроить их здесь дальнему родичу, оказалась не только не у дел, без крыши над головой, но и без денег. Почему и как? Потому что жадность и нечистоплотность!

Какой-то изрядно предприимчивый и не обременённый совестью стражник, увидев отирающихся рядом с закрытым кафе людей, прицепился к ним и, узнав, что троица приехала сюда к родственнику, угрозами «пристегнуть их сообщниками» заставил дать ему взятку. Видевшая это безобразие, сердобольная Одри пусть и не рискнула связываться с представителем власти, но и бросить растерянно озирающихся людей на произвол судьбы тоже не смогла.

— Понятно, — дотронувшись до подбородка, заключила я, выслушав рассказ Одри и дополнявшего её парня с девушками (заодно с помощью эмпатии и кое-каких вопросов ненавязчиво проверив их на правдивость и причастность к бандитам, революционерам и разного рода шпионам). — Новые слуги на постоянной основе мне пока не нужны: я часто отсутствую. И даже когда возвращаюсь, Одри с Джимом всё равно не перегружены. Но если у вас проблемы и Одри готова поручиться, — девушка закивала, — то на пару недель можете остаться. Будете на правах помощников. Одри и Джим расскажут вам правила, но заранее могу заверить, что там ничего обременительного нет. Согласны?

— Да, госпожа, — выйдя из-за стола и глубоко поклонившись, ответил за всю троицу её синеволосый лидер. — Мы всегда будем помнить и славить ваше милосердие и доброту. — Девушки тоже поклонились, но уже молча.

Нанимать на работу если не потенциальных шпионов, то болтливые языки — на первый взгляд, не самая умная идея. Но... а что, в сущности, они смогут выболтать? Я не скрываю в этом доме особенных секретов, а те, что есть, не бросаются в глаза и снабжены разного рода сигналками. Тот же путь в столичные подземелья даже для Одри является одним из не то чтобы совсем запретных, но нежелательных мест, а растянутые в разных местах тонкие нити и иные штучки сразу подсветят факт интереса к одной из закрытых зон. Существование коих, даже раскрытое, не так уж и скомпрометирует профессионально подозрительную разведчицу и убийцу, просто

обязанную иметь в своём доме несколько тайников и запасных входов-выходов.

Пусть уж лучше возможные любопытные подсылают шпионов или расспрашивают подобранных сердобольной Одри потеряшек, чем вламываются в дом под видом грабителей или захватывают моих слуг для последующего допроса.

— Можете не гнуть спины, — тоже поднимаюсь со своего стула, чтобы взять поднос со снедью и покинуть смущённых моим присутствием людей. — Я не из чванливых благородий, мне с лихвой достанет и обыкновенной вежливости. И да, ещё: не забудьте вчетвером составить описание того вымогателя. Хочу узнать, в каком отделении и под чьим начальством работает такой... ловкач. Каждый «герой» нуждается в достойной, хех, «награде».

— Что касается тебя, — перевожу взгляд на Одри. — Не торопись вести всех встреченных людей в дом. Нынешняя Империя довольно опасное место. Не в обиду нашим сегодняшним гостям и твоим завтрашним коллегам, но многие мошенники и бандиты любят пользоваться чужой добротой и жалостью. Использовать в качестве наводчиков внешне беззащитных сообщников или даже детей — тривиальный ход. Местные отбросы уже учёные, — на моём лице мелькнула кривоватая усмешка при воспоминании о визите к Безухому (до знакомства с Яцу у него была какая-то другая кличка) — ростовщику и по совместительству главе небольшой банды хамоватых коллекторов-вандалов — а потом и его боссу. — Но мало ли в Столице залётных ухарей?

— Я знаю, госпожа, — по лицу девушки пробежала тень. — Ведь от одного из таких... людей вы меня спасли. Я не такая доверчивая, как кажусь.

Попрощавшись с продолжившими свои посиделки слугами, уже покинув комнату, краем уха слышу:

— Вот видите! Госпожа Куроме очень хороший человек. Нас с Джимом она и в самом деле спасла. Меня и вовсе считай, что дважды. От... плохого человека и от нищей доли. Правда, Джим?

— Да, — выдохнул мужской бас, иногда коверкая — хотя уже не так сильно, как раньше — ударения и согласные на южный манер. — Бещиньцев с Юга не любят в Столице. Особо таких

худых холодранцев, как я бывал. По эту пору не верю, что меня с трущоб вытащили.

На самом деле решение принять на службу синеглазую брюнетку и немолодого южанина являлось отнюдь не спонтанным. Вернее, у меня имелось желание помочь юной сироте, угнетаемой мудаком-дядюшкой, унаследовавшим их семейное кафе после того, как родители несовершеннолетней Одри погибли в нехорошей истории с буйными посетителями-«типа революционерами». Это его она назвала «плохим человеком». Ну а второе «спасение» — это принятие на работу: всё же мудака-дядюшка оказался тем ещё «бизнесменом» и набрал долгов под залог полученного в наследство заведения.

Также мне мимолётно захотелось вытянуть из нищеты голодного и нездорового мужчину под сорок с виду, встретившего «беззащитную девчонку», по его мнению, случайно забредшую в трущобы — и, не требуя ничего взамен, решившего сопроводить её в более безопасные кварталы. Он даже поколотил какую-то не в меру любвеобильную пьяную шваль...

Тем самым спасая той швали их бессмысленные жизни. От справедливости в моём лице.

Однако наняты на работу эти двое оказались лишь после многочисленных проверок. И не в последнюю очередь из-за испытываемой благодарности, которая снижает вероятность предательства. Тут мной двигал скорее расчёт, чем доброта. Последней у меня дефицит и незнакомцам она перепадает редко.

Но что ни говори, а когда тебя искренне считают хорошим человеком, пусть и не совсем заслуженно — это приятно.

С приподнятым настроением хватаю по дороге газету и, снова расположившись в кабинете, начинаю знакомиться с прессой под новую (и более щедрую) порцию выпечки. Так-так. Что тут у нас? Гм. Кто-то оскандалился, кого-то арестовали, кого-то убили. Типичная цивилизованная жизнь. Скука.

О, а вот это интереснее: «Новое чудовищное преступление революционной банды Карателя! Кровавое нападение на элитный закрытый клуб!»

«Ну-ка», — мысленно хмыкнула я, с интересом всматриваясь в строчки с описанием походов одной из косвенно подконтрольных мне организаций народных мстителей.

К революционерам (несмотря на то, что в камеру смертников он угодил именно по этому приговору) бывший офицер армейской разведки относился постольку-поскольку. Но оставим это на совести журналистов данной в меру жёлтой газетёнки. Из мысленного общения со Счетоводом во время своего вынужденного отдыха на нарах я знала, что именно мой старейший добровольный миньон — через посредников, конечно — поделился с Идзумо и его парнями информацией по очередному чёрному борделю, где любили развлекаться мешающие нам персоны. В этом свете было любопытно: выплывут ли крупницы правды о гнилой сути «элитного клуба» наружу?

Всё же газета не правительственная. Шанс есть. Ну-ка, ну-ка...

«Чудовищное преступление, бла-бла-бла... Лучшие люди оставляют Империю, бла-бла-бла... Славная история и древние традиции, бла-бла-бла... — угу, знаем мы, какие они славные. Потомственные практики эрогуро, чтоб им навозными червями переродиться! — Скорбящие родственники... Некролог... Принято решение создать памятный мемориал. Он будет расположен...»

— Каких людей погубили! — иронично хмыкнула я, отпив чая и сцапав новую булочку. — Чего бы и не поставить мемориал, хех, героям? Это ж вам не всякая там солдатня и тем более бойцы разведки.

Собственно, разведчикам и диверсантам, к коим относились и погибшие члены Отряда, памятники не положены — разве что на территории Базы нечто такое разместить. Но за солдат, погибших во время Южной кампании, всё-таки обидно. Там сражались и такие, как знакомый мне весёлый капитан штурмовиков (тот самый чёрный острослов: «Мы сражаемся за любовь!», «Пацан, девка... один хрен, если в задницу!» и «Ещё тёплая — значит, живая!»), который воевал, чтобы не стать преступником и маньяком на «гражданке».

Такие люди могут приносить пользу обществу, будучи, по известной формуле, употреблены на своём месте — но вряд ли кто-то прольёт по ним хоть слезинку.

Однако в большинстве своём солдатами являлись обычные люди с друзьями, родственниками и любимыми... которые их так и не дождались. Раз уж живых калек — раненых в бою или лишённых кистей рук «добрыми» южными пленителями, которые с удовольствием проявляли «милосердие», отпуская таких вот калек — «оптимизировали», оставив почти без пенсии (жаль, что жадный мудила Кокэй подох так быстро и легко... ну, и поздно... очень жаль!), то хоть мертвых бы почтили.

Но нет. Благородные любители поиграть в Джека-Потрошителя, конечно, заслуживают этого больше.

Надо потом с Будо поговорить: у него, вроде, есть влияние на нового министра обороны. Да и сам командующий много чего может сделать... если захочет. Но памятная табличка или небольшая добавка к содержанию солдат-инвалидов — для военного бюджета обременение практически незаметное, зато при правильной подаче это может хорошо отразиться на общественном мнении о новом министре. Раз уж меня занесло так высоко, что есть возможность поболтать с Будо, Императором или Онестом, то стоит этим воспользоваться.

С этой мыслью, не найдя в газетке больше ничего достойного внимания, перехожу к рубрике объявлений. Пробежав взглядом по колонкам, удовлетворённо обнаруживаю объявление о продаже не нового и не полного набора ножей для мяса, который, несмотря на это, по своей цене в два раза превосходит такой же прямо из магазина.

Угу, значит, сестра готова встретиться через промежуток времени от декады до двух недель, подробности в закладке... — так мясо, ножи... — в закладке 12-2, в вентиляционной отдушине полуразрушенного дома. Нормально, можно отправить туда одну из нёмёртвых ворон.

Закончив завтрак и знакомство с прессой, в приподнятом настроении отправляюсь на Базу.

* * *

Расположение духа, пребывающее на планке «выше нормы», к сожалению, долго на ней не задержалось. Стоило прибыть на место, сдать запечатанные в специальные пакеты отчёты-стенограммы бесед с Импи и Онестом, чтобы, спустившись вниз, посетить свою комнату, скинуть верхнюю одежду и переоблечься в форму Отряда, как мне чуть ли не на выходе

встретилась грустная Анна, которая, судя по всему, возвращалась из столовой.

— Привет, Анна, — кивком приветствую повернувшуюся ко мне девушку.

— Здравствуй, Куроме, — тускловато ответила та. — Ты на тренировку?

— Угу. Не видела вас вчера. Вечером прибыли? И чего ты такая невесёлая? Проблемы на миссии?

— Да, вчера вернулись, к ночи. И... Рико погиб, — карие глаза блеснули влагой.

Жаль. Выходит, парень так и не оправился. Печально вздыхаю, стараясь подавить мешающуюся с горечью бессильную злобу на этот проклятый мир и время, что обрекают большинство тех, кому не повезло родиться в эту дерьмовую эпоху, на поганую жизнь и часто не менее паршивую, к тому же почти всегда бессмысленную, смерть. Да, я ожидала подобного. Всё же потеря Мегуми слишком подкосила этого ранее весёлого и доброго члена бывшей группы Ямато. А апатия губит таких, как мы, не хуже толкающих на глупости эмоций. Но ожидаемо плохой финал всё равно остаётся плохим и грустным.

Более острая реакция лучницы тоже понятна: пусть выглядевший моложе своего возраста сублильный и невысокий шатен только-только вошёл в их группу, но Анна сильнее остальных опекала парня, потерявшего свою возлюбленную.

— Что произошло? — спрашиваю я, в знак поддержки приобняв блондинку за талию и вместе с ней неторопливо зашагав в сторону тренировочной площадки.

— Он... он сам... Мы почти со всем закончили. Только последнее логово осталось проверить, — короткими чуть сбивчивыми фразами заговорила лучница. — Хан, Бен и Гектор пошли внутрь, а мы с Сенной и Рико остались контролировать точки отхода. Там выходы далеко были, с одного места не просматривались. Рико сказал мне прикрывать Сенну, а он, если заметит врагов, сначала нас позовёт. И... не позвал. Сам бросился на этих бунтовщиков, один. Мы, конечно, заметили, когда начался бой, но уже поздно: там двое Воинов и несколько Адептов, а этот

дурак ещё и стимуляторов наелся. Одного Воина убил, второго ранил сильно. И сам копьём в грудь получил. Дурак, дурак, дурак! — поблескивающие влагой глаза налились полноценными слезами. — Разве Мегуми там, на небе, лучше от того, что он тоже умер?!

— Любовь... — философски выдыхаю. В горле и груди словно сворачиваются комья. — Иногда она может сделать крепче, помочь удержаться на краю, а иногда сама утягивает на дно.

Сзади ощущалось приближающееся присутствие, поэтому я ничуть не удивилась голосу Сены:

— Про любовь говорите, девочки? — с этими словами бесшумно подкраваясь пронира обхватила две своих «цели» сзади и всунула любопытную физию между наших лиц.

Почувствовав на своей пятой точке шаловливые пальцы, сделавшие «жамк», я пихнула наглую посягательницу локтём, на что эта женская — и более наглая, хотя казалось бы, куда же ещё наглей-то?! — версия Кей Ли только улыбнулась.

Но руку убрала. И то хлеб.

— Про Рико, — с оттенком неудовольствия от легкомысленного поведения сокомандницы буркнула лучница, успевшая незаметно утереть слёзы.

— А, да, жалко его, — выдохнула мне в ухо пурпуровласая убийца. — Не смог он один, без нашей пацанки. Делал вид, что смирился, шутил даже, но... — посерьёзневшая девушка повернулась к Анне. — Это был его выбор. Мы не можем выбирать, как жить, но можем выбрать, как умереть. Рико выбрал. Не нужно корить себя за чужие решения.

Эмпатия подсказывала, что у блондинки имелись возражения, и вообще она собиралась насесть на товарку, выплёскивая наболевшее — но Сена сумела её опередить и перенаправить вектор внимания:

— Кста-ати! Куроме, я слышала, что ты была на личной аудиенции у Императора. Сначала тебя наказали на Базе. Потом пришёл вызов прямо из Дворца, где восхищённый Император решил лично вручить награду нашей несравненной Номеру Один и признаться в чувствах. Тогда наши замечательные, глубокоуважаемые офицеры сразу, хи-хи, передумали и даже решили тебя повысить. Или ваш балабол опять всё перевернул?

Судя по поведению нашей светловолосой спутницы, которая вместо того, чтобы ругаться, наострила ушки и даже немного приободрилась, нехитрый манёвр Сены по переключению внимания увенчался успехом.

— Насчёт вызова он не ошибся, — качнув головой, ответила я, после чего отпустила Анну и пропустила фиолетововласую проныру между нами. — Про чувства и повышение — чистые выдумки. А вот с наказанием сложнее: на Базе нас просто отправили на денёк отдохнуть в карцере. Но вмешались прознавшие о возвращении группы смежники. Тамошние генерал-идиоты поймали вожжу под хвост и решили прижать Отряд, меня даже в тюрьму отправили. В обычную общую камеру, хе-хе. Каково? Но Сайкю сказал, что это была «ловля на живца» и он разберётся со всеми умниками. Ещё и дополнительные отчёты писать заставил, — со вздохом подвожу итог под своим (относительно) развёрнутым и (по большей части) правдивым ответом.

— Сайкю? — переспросила Сена, по исконно женской привычке выловив из всей моей речи одну-единственную интересную для себя подробность — хотя мне ли, непонятному существу с «общежитием в голове», насмешничать над привычками других, более нормальных девушек? — Ты называешь министра разведки просто по имени? — хитро блеснули фиолетовые глаза. — Вы с ним уже так хорошо и близко знакомы? — последние слова проныра почти промурлыкала.

— Нет. И такие, как слышится в твоём голосе, «близкие знакомства» с мужчинами меня не интересуют. Даже если это министр разведки, Император и кто угодно ещё. Но, пожалуй, начну эту историю с начала, — произнесла я, уже предчувствуя поток двусмысленных замечаний от тихой убийцы и любопытных вопросов от лучницы. Да и остальные собравшиеся на тренировочной площадке ребята подтянутся, как только мы до них доберёмся.

Вот почему мне кажется, что добрую половину времени, запланированного на проверку успехов, хех, учеников — до сих пор к этому не привыкну — и собственно тренировки, придётся потратить на бесполезную болтовню?

Мысленный вздох.

Как я и предполагала, разговоры заняли довольно много времени. Затронули и мой визит во Дворец, и эпопею с тюрьмой, и выполненные миссии. И гибель Рико, да.

Ямато выглядел особенно хмурым. Даже начал было говорить о том, что следовало взять его в группу А, чтобы он присмотрел за младшим товарищем, но сразу сам же себе возразил, вспомнив пройденные на Северо-востоке бои, что для паренька оказались бы непосильными.

В общем, после таких разговоров тренировались ребята старательно, но без весёлого задора, скорее с остервенением. Даже Кей, как это ни удивительно, сдерживал свой язык. Судя по парочке взглядов в сторону Акиры, наш незаметно вернувшийся из загула по казино и барам социопат и балагур — задумался и экстраполировал положение погибшего Рико на себя.

Правильно. Будет ему дополнительный повод приложить ещё капельку усилий для своего развития. Да и наша рыжая всегда тянулась вслед за своим кавалером, как подсолнух за солнцем. Стоило ему по какой-либо причине приналечь на тренировки, как и она следовала его примеру. Ну и наоборот: как Кей Ли начнёт лениться, так и она в лучшем случае принимается лениво почитать литературу по медицине... если не вовсе какую-нибудь модную беллетристику.

Из хорошего стоит отметить, что мои ученики неплохо продвинулись в освоении переданного им комплекса упражнений. Все присутствующие на Базе ребята в большей или меньшей степени научились чувствовать текущую по их телам духовную силу — что, в свою очередь, положительно отразилось на их способностях воителей. Примерно половина научилась резко переходить в состояние ускорения (особенно в этом преуспела Сена, показавшая неожиданный талант). Далеко не мой «рывок» — хотя пурпуровласая тихая убийца неумолимо приближалась к нижней планке того, что можно назвать самостоятельным навыком — но для того, чтобы нанести первый удар и тем самым устранить цель до того, как та успеет парировать или увернуться, в большинстве случаев хватает вполне.

Собственно, во многом именно по данной причине за время моего отсутствия никто из ребят и не погиб — ну, кроме сделавшего осознанный шаг к смерти Рико.

Ещё несколько человек — помимо Акиры и Кей Ли — сумели нащупать нужный энергоузел и на данный момент в принципе готовы начать осваивать «форсаж». В «когорту талантов» входила опять-таки Сена, Хан — выглядящий как взрослый мужик лидер группы В, Джун — зеленоволосый любитель грызть зубочистки, руководящий группой С. Также в это число, как ни странно, входил и Рико, который раньше не был замечен в особых талантах в данной

области. Более того: судя по всему, он криво, косо и, вероятно, с тяжёлыми последствиями, но сумел активировать «форсаж» и объединить его с влиянием стимуляторов (а ведь их приказывали сдать! Увы, отсутствующий контроль за приёмом «лекарства» здесь сыграл против нас). Готовился к последнему бою, значит.

Что сказать? Жалко его. Но охота пуще неволи.

Что касается тройки Хан-Сена-Джун (с Кеем и Акирой разговор отдельный, сокомандники всё же), то следует дать им подробные объяснения, проследить за первыми шагами... и, пожалуй, написать подробную методичку. Всё-таки я сомневаюсь, что кто-то успеет закончить с освоением нового навыка до того, как группу А отправят на следующую миссию.

Но вот наша пронира молодец: если разберётся с «форсажем», то из конца Рейтинга сразу прыгнет в первую десятку, а может, и в пятёрку. То-то она такая довольная была, когда меня увидела.

После того, как прекратились «аттестации на пригодность», смертельные для слишком слабых, — важность Рейтинга, конечно, упала. С другой стороны, как внутренняя табель о рангах среди убийц Отряда он всё ещё котировался.

И, зная психологию Воинов Духа, будет котироваться всегда. Так что Сену понять можно.

Хотя её попыток прилюдно шептать на ушко о своём желании «жарко отблагодарить» «наставницу» за прекрасные уроки это не извиняет. Я ведь не из железа! А переводить отношения с этой бесстыдной любительницей собирать и распространять слухи в, хм, горизонтальную плоскость — ну, такое себе. Я человек не слишком закомплексованный, но обсуждения своих постельных предпочтений среди всех групп Отряда всё-таки хотела бы избежать.

После, попрощавшись с представителями иных групп и отделавшись от настойчивой «благодарной ученицы», я без лишних любопытных ушей пообщалась со своей командой. Затем мы сверили наброски отчётов и вместе подумали, что стоит добавить, а что убрать, дабы никто из начальства не прицепился. В результате кое-какие поправки пришлось внести всем, но в целом получилось нормально. Осталось переписать черновики набело и, дождавшись

указанного срока — торопиться не стоит, а то в следующий раз эти самые сроки могут и урезать — сдать наконец эту надоевшую писанину.

В конце, уже собираясь покинуть Базу, я попыталась забрать с собой некропушистика. Неудачно.

То есть, если упереться — конечно, смогла бы; но узурпировавшая его Акира и устроившаяся рядом с ней грустная Анна так трогательно гладили и прижимали этот белый пушистый комочек к себе, что у меня не хватило духу настаивать. Люц, конечно, не мёртвый, потому не сможет сменить хозяйку; да и долго существовать без подпитки, в общем-то, тоже. Но эпопея с заключением уже завершилась и в обозримом будущем я точно не собиралась пропадать с горизонтов больше чем на неделю. Поэтому пусть милый пушистик, обладающий неощутимой моим восприятием, но определённо существующей «аурой умиротворения», поможет нашим девушкам вернуть душевное равновесие.

* * *

...Увернувшись от прогудевшего рядом булыжника, почти стотонная гидра мазнула по земле хвостом, отправляя в метателя целый пласт промороженной земли, смешанной со снегом, льдом и кусками дерева. Монстр-примат, впрочем, тоже оказался достаточно ловок, дабы избежать основной снежно-земляной массы. Однако трехглавое чудовище не собиралось на этом останавливаться. Условно-опасным плевком заблокировав противнику часть путей отхода, оно, изо всех сил ускорившись, рвануло на сближение. Благо что — как бы странно это ни выглядело для монстров данного вида — ускорение являлось одной из сильных сторон этой конкретной гидры.

Но тут из-под прикрытия оставшегося в воздухе сора неожиданно выскочила стремительная темнобородая фигура с катаной. Быстрый, почти неразличимый взмах — и любитель бросаться булыганами вместо того, чтобы оказаться в одной из пастей, заработал очередную условную смерть именно от клинка.

"Разве они не должны сражаться на одной стороне?" — мысленно удивилось умное чудовище... но, уже наученное опытом, медлить не стало, сразу выдохнув в сторону опасной не-пищи целое облако «яда».

Естественно столь медленная атака не смогла зацепить никого, кроме волосатого-с-кусочком-её-шкуры, который тоже поспешил покинуть не опасное, но вызывающее жжение облако. Однако своим выдохом Печенька сузила противнику пространство для манёвра. И если он захочет напасть, то она его встретит — и наконец-то отомстит быстрому-с-кусачим-жалом!

Но что это? Шкура спины ощутила лёгкие касания стремительных шагов, а потом её едва ощутимо кольнуло от слабых, лишь наметивших атаки порезов. Гидра дёрнулась, пытаясь если не сбросить новую противницу, то хотя бы вывести из равновесия, одновременно с этим левая голова резко метнулась назад и вбок... чтобы остаться ни с чем. Маленькая-страшная-злая-главная, которая, как считала гидра, не участвует в схватке, легко ускользнула, спрыгнув по правую сторону могучего тела. И именно этот момент выбрал быстрый-с-жалом, чтобы атаковать.

Снова много не болезненных, почти моментально затягивающихся, но очень обидных царапин в самых уязвимых местах тела. Могучего, живучего, но... слишком неповоротливого.

Снова она проиграла. Печенька знала, насколько глубокие раны способны наносить срывающиеся с железных жал прозрачные лезвия. Не говоря уже об ужасно мучительных чёрных молниях маленькой-страшной-злой-главной, которая в последнее время вовсе не зла с ней, но всё равно остаётся очень страшной и бесспорно главной.

Тем временем пара несправедливо быстрых двуногих силуэтов не успокоилась, а столкнулась уже друг с другом. Быстрый-с-жалом размазанной тенью скользнул к маленькой-злой-страшной, однако та не только не поддалась внезапной атаке, но и, уклонившись, сумела контратаковать. Превосходящий её в скорости мужчина, впрочем, тоже ушёл от встречного выпада.

Некоторое время парочка стремительных теней, разогнавшихся ещё сильнее — даже для неслабого монстра А-плюс класса стало непросто различать их движения в деталях — словно призраки скользила по земле, не тревожа перепаханную землю и не создавая ветра, лишь кружила, сходясь и расходясь, периодически производя пробные или обманные атаки, парируя и уклоняясь. Кажется, одно или другое жало иногда находило свою цель, однако бой не останавливался. Со стороны это даже могло показаться своеобразным танцем.

Вот один из партнёров увидел удачную возможность и разорвал ритм. Обманный финт сменился режущим ударом слева направо и снизу вверх, а затем, проскользив по катане меньшей фигурки в огне плазменной вспышки соударения, клинок сместившегося в сторону

воителя — под правую руку и частично за спину противницы — рубанул вниз.

Впустую! Словно маленькая юркая змейка с глазами на затылке, та извернулась, не только уйдя от атаки, но и сумев зацепить своего оппонента. Поединок шёл не всерьёз, поэтому повреждения ограничились левой штаниной, разорванной металлической накладкой на острие клинка, но досады воителя-мужчины это не умалило. Он — пусть это казалось уже невозможным — ускорился ещё сильнее и налетел на противницу настоящим стальным вихрем. В ход пошло уже не только лишь чистое, почти что дуэльное фехтование, но и различные хитрые приёмы: порою сомнительные, а порой и откровенно грязные.

Девушка не растерялась — наоборот, тоже подхватила данное начинание, начав метать в оппонента иглы, энергетические сгустки и даже... плевать. Красивый поединок превратился в жёсткую и неприглядную — но всё ещё тренировочную — схватку. Одна из голов Печеньки с интересом уставилась на проеденный в дереве небольшой (не смертельная битва же), но всё же заметный кратер, оставленный плевром: ещё одно доказательство, что маленькая-злая-страшная лишь притворяется двуногой! Печенька умная, Печеньку не обманешь!

Меж тем ситуация продолжала меняться. Более крупный мужчина старался войти в клинч, выкрутить оружие противницы или взять на излом удерживающую его руку, не стеснялся работать коленями, локтями, ногами и эфесом. Худенькая и низкорослая, но неожиданно крепкая брюнетка от него не отставала. Нет, она не стремилась лезть в сверхближний бой, однако, если избежать такового не выходило — действовала, стараясь обернуть свой рост в преимущество. И довольно успешно. Знание стиля оппонента вместе с прекрасной гибкостью юной воительницы, а также реакцией, заметно опережающей очень высокую даже для Мастеров скорость, что позволяла грамотно реагировать на все, даже самые неожиданные движения — успешно помогали держаться под неослабевающим напором.

Вот юная убийца выгадала момент для собственной атаки, лезвие стальной змейкой метнулось к правой кисти противника... и вновь встретило лишь воздух. В свою очередь более опытный и быстрый воитель решил воспользоваться моментом для контратаки. Неудачно. Вокруг встретившегося металла мечей, укрепленных духовной силой, в очередной раз полыхнул воздух, а колено мужчины укололо болью от прилетевшего в чашечку пинка.

Для немёртвого выбитая коленная чашечка не являлась калечащей травмой — как, в общем-то, и для любого из славящихся своей живучестью высокоранговых воителей, но на подвижность ноги в данной схватке она повлияла. Тем временем в атаку перешла уже девушка, что, в отличие от не ведающего усталости псевдовампира, уже начала ощущать приближающийся предел безопасного использования «форсажа». Хитрый, подсмотренный в памяти древнего генерала финт почти ознаменовал завершение боя, но ещё сильнее ускорившийся соперник

сумел его парировать и нанести свою атаку...

От которой девушка также ушла.

Завязался ещё один короткий, но особенно яростный обмен ударами на ещё сильнее возросших скоростях. Никто не желал уступить последнее очко в счёте побед и поражений.

Мелькнул неразличимо краткий миг объективного времени, и спарринг, последняя часть которого со стороны выглядела как самый настоящий смертельный бой — несколько раз смертельный для обеих сторон — наконец, завершился.

* * *

— Ты опять меня читала, госпожа? — спокойно — пусть и несколько хрипловато из-за пострадавшего горла — спросил всклоченный Юрэй, вправляя выбитую коленную чашечку.

Почесав бедро, отбитое неудачным ударом в пах, он хмыкнул и продолжил проверку состояния тела. Не то чтобы это ему требовалось, всё равно в пространственном кармане всё быстро восстановится, да и без кармана затянется — куда там той собаке. Но привычка есть привычка.

— Не напрямую, хах. Только намерение, ха, и духовную, ха, силу, — вправив непонятно когда выбитый левый мизинец, потрогав кровоточащий нос и убедившись, что он таки сломан, чуть гнусаво ответила я. — Так же, как, х-ха, любого живого. Подожди. Дай, уф, восстановиться, — из-за учащённого дыхания мои фразы звучали достаточно рублено.

Потерев рёбра — там, куда ударила накладка на лезвии Яцуфусы, в ином случае поделившей бы старого Мастера надвое — он направился за своими курительными принадлежностями.

Я же, в свою очередь, сконцентрировалась на сломанном носе, ушибах, рассечениях и прочих мелочах, которые следовало затянуть. Вызвать вопросы своим побитым внешним видом я не

боялась: на данный момент мне удалось частично продвинуть метаморфизм, а частично совместить его с той почти что некрохимерологией, коя некогда помогла прирастить правую кисть, отсечённую тейгу-косой оказавшегося неожиданно опасным Камуи, и буквально на порядки ускорить самолечение.

Теперь этот навык восстановления (не такой эффективный и быстрый, как хотелось бы, но зато гораздо более безопасный) нуждался в отработке. И так как тупо наносить себе мелкие повреждения, а потом их лечить мне показалось затеей, хм, контрпродуктивной — в дело пошли жёсткие спарринги с лучшим воителем из моих миньонов.

Юрэй оказался не против: он и сам считал, что только через напряжение и боль можно достигнуть достойных результатов, да и драться любил.

Что ж, стоит отметить, касаясь тренировок высший Мастер не ошибался: скорость постижения его стиля заметно скакнула — настолько, что он заподозрил меня в жульническом считывании его будущих действий через духовную связь. Не то чтобы он абсолютно неправ, ведь пусть я и не пыталась хитрить, полностью заблокировать ощущение движений тела и духа немертвого партнёра по спаррингу оказалось невозможно. На это накладывалась эмпатия, духовная чувствительность и разгон разума, кои я тоже тренировала и которые вполне неплохо работали против живых противников.

Заодно и развитие Алмазного Тела немного ускорилось. Не так резко, как хотелось бы, но заметно.

С улиточных темпов до черепаших, ага.

Таким образом, почти сравнявшийся счёт побед и поражений уже не выглядел столь удивительным. То есть, три победных касания из десяти, стремящиеся к четырём из десяти — это далеко не паритет. Да и соперник мой, как и оговорено, не использовал запредельный «форсаж» и «разгон», что доступны только немертвым, способным восстанавливать калечащие (и даже смертельные!) повреждения тела и энергетики, но всё же, всё же. Мой миньон не какой-то там средний Мастер Боя; этот, вернувшийся — а то и приумноживший! — былую прыть старый монстр и без тейгу прочно входит в десятку сильнейших!

В общем, всё хорошо и прекрасно. Кроме несколько унижительной для гордости необходимости регулярно получать колотушки, да. Но мы, воспитанники Подземной Базы, привычны к поправанию чувства собственной важности.

Впрочем, я-то хотя бы периодически побеждаю, а вот Эйпман — хотя обезьяну по большей части всё равно, он принял своё место в иерархии «стаи» и не претендует на высокое положение — а также Печенька, которую мы с Генсэем стабильно «разделяем», причём что вместе, что поодиночке — грустят. То есть условная победа достигалась не таким же условным убийством — всё же уничтожить монстра-регенератора не так-то просто и уж точно не быстро — а снижением подвижности, достаточным, чтобы умное существо и само поняло, чем это закончится, если продолжится в такой манере, и смирилось с очередным поражением.

На самом деле обычный одиночный Мастер или парочка оных, даже сумев повредить связки и позвончики гибких шей (очень толстых и очень прочных, по правде говоря), скорее исчерпают свой энергетический запас и вынужденно отступят, пока восстановившееся чудовище их не сожрало, чем смогут уничтожить гидру схожих с моей прожорой кондиций. И это я говорю про живую версию, заметно более уязвимую, нежели подправленная некрохимерологией Печенька.

То есть пример, где в качестве «обычного двуногого воителя» выступает Генсэй — почитай, высший Мастер (без запущенного на полную мощность «форсажа» он до этого звания, по собственным словам, несколько недотягивает) с бесконечной выносливостью, огромным опытом и разносторонними умениями — несколько нечестен. На самом деле моя гидра уже вполне способна закусить "обычным" Мастером и попросить на сдачу деликатесную группу Воинов.

Но это — т-с-с! Пусть лучше Печенька боится маленьких, но быстрых, кусачих и опасных человеческих Мастеров, которых непременно очень-очень много, и старается стать лучше и быстрее, чем ленится, считая себя уже достаточно большой и могучей. Ведь этот подход прекрасно работает!

* * *

— Сши... — печально выдохнув, взглянула на меня означенная трёхголовая особа повышенной прожорливости после того, как я, срастив все повреждения, протерев лицо влажной тряпочкой и в целом более-менее приведя себя в порядок, подошла к ней.

— Ничего, Печенька — сейчас у тебя получается намного лучше, — ободряюще улыбнувшись, успокаиваю питомицу, начавшую обмен мыслеобразами.

— С-с! — недовольно отозвалась та.

Бывшая гроза южных болот признавала превосходство хозяйки. Но ведь не только маленькая-злая-главная, которая на самом деле — скрывающая силу большая-главная-злая — её побеждает! Быстрый-с-кусачим-жалом во много раз слабее неё! Гидра не умеет так хорошо чують чужую силу, но маленькая госпожа делилась своим зрением и показывала, насколько у двуногого меньше духовной энергии.

А ещё быстрый-с-кусачим-жалом в сотни раз меньше! Он в сравнении с ней — словно букашка! Это и без всякой помощи видно! Это она, большая, могучая и прекрасная Печенька, должна побеждать всех, кроме хозяйки! Она почти S-ранг — маленькая-злая-главная объясняла, что значат эти странные звуки — она большая, она крепкая и живучая! И обладает огромным — недостижимым для двуногих букашек! — объёмом и качеством духовной силы!

...Вот только она недостаточно хорошо всё это использует. До сих пор, после всех тренировок.

А ведь если она вырастет ещё больше, то маленькие, шустрые, каверзные и противные букашки — такие, как быстрый-с-жалом — станут и вовсе неуловимыми. И яд на них не всегда действует. А жалить они могут очень больно и опасно. Наверное, хозяйка права: быть больше всех не всегда хорошо. Вместо этого нужно становиться быстрее. Крепкая шкура, яд и живучесть — тоже очень хорошо, но нужно стать шустрой, уметь пользоваться своими сильными сторонами и знать много уловок хитрых маленьких двуногих.

— Да, сила и скорость — это хорошо, но тебе нужно вдобавок развивать тактическое мышление и не забывать контролировать обстановку, — с довольной улыбкой кивнула я, прочтя мыслеобразы питомицы (а также не выставляемые на первый план мысли и опасения) и, параллельно проговариваемым словам, отправляя своё ментальное послание. — Люди и некоторые твои разумные сородичи склонны хитрить: нападать внезапно, со спины, в компании. Никто из нас и из них не станет открыто и честно бросать вызов, чтобы сразиться за понравившуюся аномалию. Если противники не слабее, конечно; тогда — да, могут.

— Шс-с! — понимая, но не до конца принимая мою позицию, возмутилась слишком честная и даже по-своему благородная гидра.

Ха, кто бы меня сейчас услышал! Честная и, хех, благородная гидра! Принцесса Великих Болот Печенька, хи-хи!

— Хитрить нужно лишь слабым? — произношу уже вслух. — Возможно. Но ты пока не Внеранг. Как и я. Но давай взглянем на ситуацию с позиции сильного. Если, применяя хитрость, слабые имеют шанс победить — то сильному, чтобы этого не допустить, волей-неволей придётся узнать все уловки противников. И придумать меры противодействия, разумеется, — утвердительно киваю на мыслеобраз питомицы. — В нашем мире нет неуязвимых и непобедимых. Да и в иных мирах тоже.

Краем глаза вижу, как закуривший длинную трубку Юрэй одобрительно кивнул на эту сентенцию. Или теперь правильнее вновь звать его Генсзем? Ведь вскоре боевому пенсионеру предстоит сменить облик на менее моложавый — для его более чем почтенных лет выглядеть на сорок это всё же перебор — «вернуться в Столицу» и открыть там свою Школу Боя. Хотя почему-то новое имя нравится старому Мастеру больше того, что он получил при рождении. Какие-то с этим связаны заморочки о «типа новой жизни» и прочей философско-религиозной мути.

Надо потом обсудить, как там идёт подготовка вращающегося потенциально мощного агента влияния в воинское сообщество Столицы.

Эйпмана же наше общение не особенно беспокоило. Немолодой обезьян, как уже упоминалось, не особенно стремился к личному могуществу, прекрасно понимая, что старого Мастера или гидру ему не обойти. Или, скорее, не желая рваться вперёд и вверх, чтобы сократить разрыв в возможностях. Он ещё помнил сломавшего ему руку Прапора и с удовольствием бы того поколотил, но так как пересекались они редко, уже начал забывать о своём намерении и стимул к росту постепенно сошёл на нет, ограничиваясь моим приказом. Да и соображал примат похуже Печеньки, как ни странно. Где-то на одном уровне с камнеголовым Прапором, да. Зато поесть любил немногим меньше обоих названных, и сейчас, оттёршись снегом, с удовольствием уплетал купленные мною бананы (кои для зимней Столицы — весьма недешёвый деликатес).

Глядя на такое дело, решаю последовать хорошему примеру: призванный усилием мысли Коврик оказался передо мной и вскоре также бесследно исчез, впрочем, немного полегчав. У

меня же теперь появился запас печенек и термос с горячим сладким какао. Ну, и фиал с животной праной тоже не станет лишним. Как раз пока перекушу, моя собственная энергетика переработает порцию этой продукции: не самой питательной и хорошо усваиваемой, но зато дешёвой и доступной в больших количествах, за что спасибо установленным на бойнях экстракторам.

Вытянув из фиала энергию и оставив внутри него состав-основу — энергетически пустую, но годящуюся для несложной переработки и повторного применения — приступаю к поглощению более материальной (и вкусной!) пищи. В процессе трапезы ловлю на себе укоризненный взгляд Печеньки.

— Что? — спрашиваю, запив очередную печенюшку щедрым глотком горячего молочно-шоколадного напитка. — Ты ешь только парное мясо, у меня такого нет. А всю ближайшую живность кое-кто трёхголовый поймал и скушал ещё в самом начале.

Закончив свой спич, я вернулась к стремительно опустошаемому мешочку и термосу. Что ни говори, а когда ешь на природе, да ещё после хорошей физической нагрузки, пища приобретает особый, неповторимый вкус.

— Сши... — жалобно выдохнула «очень побитая, очень уставшая и очень угнетаемая» многотонная машина смерти.

М-да. Похоже, я её разбаловала.

— Ну хорошо, хорошо... большая, хех, попрошайка. Мясо не обещаю, правда, зато после перерыва попробуем передать тебе часть энергии Хрустика.

— Ши! Сши! С-сш! — гидра сильно оживилась, зашевелив головами и зашаркав по земле хвостом, отчего в стороны полетели куски снега, льда, мёрзлой земли и обломки поваленных деревьев.

Ни дать ни взять — учуявший вкусняшку игривый пёсель!

Только бесшёрстный, трёхголовый, ядовитый и с небольшую крепость размером, угу. А так — никаких заметных отличий.

— Нет, не съесть его, — отрицательно качая головой, — именно передать часть энергии, чтобы ускорить твой рост в силе.

«А ещё ослабить этого агрессивного тупицу», — добавила я мысленно.

Если антисоциальное членистоногое отказывается видеть в нас членов стаи — которой у него никогда не было — и не хочет подчиняться «слабому», будучи «сильным», то почему бы не изменить расклад, хорошенько его ослабив? Пускай Чёрная Слизь изрядно меня посрамила. Пускай убила — технически, вынудила оборвать связь — строптивного, вряд ли согласившегося бы стать миньоном, но моего немёртвого, а также заставила драпать, в прямом смысле слова теряя тапки; но и хорошего из встречи с ней удалось вынести отнюдь не мало. Как, например, примерное понимание механик передачи энергии от одного существа к другому.

То есть я и раньше могла передать свою энергию немёртвым. Именно таким образом удалось превратить Счетовода из неударённого, крайне далёкого от боевых искусств человека во вполне себе неплохого — по крайней мере, по суммарным показателям скорости-силы-прочности — Адепта Боя. Но вот взять духовную силу у одного немёртвого и направить её в другого... нет, это — уже другой уровень. Совершенно.

Так-то через энергетiku кукол Яцуфусы всегда протекала сила тейгу; но она, по всей видимости, не оказывала влияния на их развитие, поэтому может не сработать и разработанный по дороге в столицу приём. С другой стороны, тёмная энергия играет для марионеток роль праны, а вот оттенок духовной силы у каждого существа остаётся своим собственным, со всеми присущими ему характеристиками. И именно через духовную силу тейгу подстёгивают рост своих носителей.

Иными словами, передав энергию не самой слабой S-ки — может, и потерявшей в боевой силе, но исключительно из-за заторможенности непробуждённого — своей абсолютно лояльной Печеньке A++ ранга (и то второй плюстик больше за умения, а не за мощь), я вполне себе реалистично симитирую влияние тейгу на носителя, подстёгивающее рост его сил. Ну, в теории.

Тейгу для монстра, хех. Разве не забавно?

Хотя, если всё получится с монстрами, то можно потом попробовать повторить и с людьми. Вернуться к истокам, так сказать.

«Мёртвые марионетки безынициативны и неспособны развиваться», — вспомнилась строчка из описания способностей Яцуфусы, кое я некогда пролистывала. Ну-ну...

— Ук? — подал голос и с вопросительным ожиданием взглянул на хозяйку Эйпман, который уже успел расправиться со своими вкусняшками и теперь нетерпеливо перетапывался на месте.

— Не хочешь бездельничать на холоде? — отвлекшись от своих размышлений, уточнила я.

— Ук-угу, — Эйпман стал усиленно показывать, как ему тут холодно и некомфортно.

С его-то шерстью и уровнем духовной силы. Верю, ага.

— Ладно, лентяй, — улыбаюсь. — На сегодня всё, — повинуюсь мысленному усилию, примат исчез в пространственном кармане.

— Почему не монстр-обезьяна и гидра? — спросил приблизившийся миньон.

— Слишком большой разрыв в качестве и количестве духовной силы, — отвечаю, забросив в рот последнюю вкусняшку и допив какао. — Формально Печенька отстаёт в ранге от Хрустика почти так же, как Эйпман от неё. Но фактически разница между одарённым зверем ранга В и имеющим активное духовное ядро монстром класса А — больше, чем между чудовищами рангов А и S. И даже если опустить гидру на ранг В, она всё равно останется намного сильнее, потому как изначально выше в условной пищевой цепочке.

— Когти, зубы и хвост есть у кошки и тигра. Но они не равны, — кивнул Юрэй.

— Именно. К тому же у сильных монстров жёстче энергетика: работать с ней сложнее, да, но зато, если что-то пойдёт не так, то и серьёзных повреждений можно не бояться. Не беспокойся, Генсэй, — в ответ на незаданный, но мелькнувший в мыслях старого Мастера вопрос, добавила я. — Если всё получится, то усиление коснётся и тебя, мой верный, но честлюбивый соратник. То, что я стала чаще тебя побеждать — не означает, что ты не развиваешься. Даже наоборот, — демонстративно потираю места старых ушибов, которые пусть и исчезли, но ещё живы в памяти побитого тела.

Как бы подводя итог сказанному, призываю Хрустика.

И надо сказать, поддержание в реальности этой махины сразу создало довольно значительную нагрузку. Недостаточно большую, чтобы реально сказываться на моей боеспособности или истощать запасы быстрее приемлемого — даже после недавних тренировочных схваток, что подтверждает мою растущую выносливость — но всё же раздражающую. Хотя бы пониманием того факта, что львиная доля духовных и ментальных сил уходит на подавление бессознательного сопротивления, а дополнительные затраты, как это ни странно, означают ослабление данной боевой единицы.

— Благодарю за заботу, госпожа. И прошу: наедине зовите меня — Юрэй. Старая жизнь кончилась, а вместе с ней умерло и старое имя, — поклонился некогда сильнейший в Империи, после чего продекламировал одно из периодически сочиняемых им странных трёхстиший, призванное ответить на моё замечание о его честлюбии:

Величавый пик пронзает облака,

Мириады глаз вождеуют вершину

Идущий к небу попирает горы.

Вот ведь воинствующий поэт! Но ладно, пора приступать к испытаниям только того и ждущих идей.

* * *

Удивительно, но пройти первый этап и отнять немного силы у титанической многоножки оказалось довольно простой задачей. Также не возникло сложностей и с тем, чтобы отправить эту частицу Печеньке. И... она успешно и безвредно усвоилась. Насчёт пользы, правда, с первого раза понять не получилось: слишком незначительная крупица энергии. Однако, подождав питомицу поближе, а потом, в прямом смысле слова сидя у прожоры на шее, несколько раз повторив цикл отъёма-передачи, предположение удалось подтвердить.

Естественно, столь капельные вливания способны поднять уровень неслабой гидры только лет, наверное, через пять — а то и десять! — аналогичных, хм, микропроцедур. Причём непрерывных, да. Но это лишь первый, проверочный этап. Теперь нужно определить, насколько сложно окажется перестроить подпитку членистоногого мегакласса так, чтобы Яцуфуса, с одной стороны, не возмещала потери в духовной силе, тем самым позволяя ослаблять своевольное и агрессивное существо, а с другой — продолжала поддерживать скрепы души и нёмёртвого тела. Не хотелось бы по неосторожности самостоятельно подарить сильнейшей — а ещё самой тупой и упёртой — из имеющихся в Коллекции марионеток возможность сорваться с «поводка» во время очередной попытки её полноценно подчинить.

И снова: один цикл, второй, третий... девятый, десятый...

«...Ага, понятно. Значит, мы с Паулем правильно посчитали. А если так? — ...Двадцать четвёртый, — ...И впрямь работает!»

Удача мне определённо благоволила. То, что я собиралась сделать в лучшем случае за пару декад осечек, расчётов, проверок, срывов, новых расчётов и перепроверок, находя очередные подводные камни и обходя их, чтобы натолкнуться на новые непредвиденные препятствия — получилось уложить в один день. Даже не так: в одну пробную попытку!

Что же, раз всё так прекрасно вытанцовывается, то попробуем сделать ещё один шаг вперёд.

Подождав Хрустика, я приказала им с Печенькой встать вплотную. После чего, спрыгнув с гидры и встав между этих здоровенных туш — чувствую себя букашкой! — прикоснувшись левой рукой к жёсткому хитину первого, а правой к тёплой шкуре второй, начала тоненькой, но

непрерывной струйкой передавать энергию через себя, выступая своего рода проводником.

...Начала и тут же прекратила.

Мало того, что «проводник» обладает недостаточной пропускной способностью, так ещё и энергетика моего организма восприняла духовную силу поверженного и порабощённого чудовища, проходящую сквозь неё... без энтузиазма. Не полноценное, как при аллергии, отторжение — но убить двух зайцев одним выстрелом и попутно с гидрой усилить и себя, переняв некоторые полезные характеристики энергии родственного (через связавший нас артефакт) монстра... увы, не выйдет. Я прям чувствовала, как мою ауру давит и корёжит от такого «угощения». Как попытка нефти хлебнуть: вроде и органика, и не особо ядовитая, но г-г-гадость гадостная, тьфу!

Придётся выделять эту идею в отдельное направление и работать над отсеиванием лишних примесей, а также устойчивостью организма к чужеродной энергии. Тянуть силу из Печеньки тоже нужно потом попробовать, ведь и она имеет плотную духовную силу с интересными свойствами. Не то чтобы у меня были надежды на маловероятный сразу удачный исход, но проверить стоило, тем более, раз уж мне нынче так везёт.

Однако вернёмся к основной задаче. То, что не получится создать достаточно широкий канал, проходящий через моё тело, являлось практически очевидным ещё до начала натуральных испытаний (предыдущий эксперимент стал скорее проверкой: стоит ли пытаться пускать часть потока через себя?).

Не стоит. По крайней мере, пока.

Поэтому на следующем этапе я собиралась создать временный и упрощённый аналог духовной связи непосредственно между двумя чудовищами. Сначала я глубже погрузилась в транс, дабы лучше видеть тянущиеся ко мне нити духовной связи, после чего попыталась создать эдакую, хм, петлю-ответвление от основных потоков, которая станет одновременно перемычкой и своеобразным предохранителем. Глупо получится, если после кривых манипуляций с нитями связи я умудрюсь их нарушить и потерять сразу обоих своих сильнейших монстров.

С Печенькой, конечно, не факт, что так выйдет — всё же она согласилась на служение; но вот

Хрустик после весьма вероятного обрыва связи однозначно окажется потерян. А так — если что нехорошее и произойдёт, то исключительно с перемычкой.

Манипулировать невидимой, можно даже сказать, несуществующей «нитью» я умела, пусть и в несколько ином разрезе. Так что после нескольких... десятков попыток (что, впрочем, благодаря серьёзно разогнанному разуму не отняли слишком уж много объективного времени даже суммарно) ответвление нужной конфигурации всё же сформировалось.

Тем не менее радоваться было рано. Гадская штука мало того, что сформировалась со скрипом — так ещё и наотрез отказалась служить проводником энергии от одного монстра к другому!

«Угу, а если так?» — с азартом подумала я, мысленно прикусив воображаемую губу (реальное тело, не будучи под ускорением, в сравнении с разогнанным разумом превратилось практически в каменное изваяние и таких жестов не позволяло, да и не чувствовала я его в таком глубоком трансе).

Дабы стабилизировать и изменить получившееся «непонятно что» в нужном ключе, вкладываю в него больше своей силы, накладывая её поверх той, что принадлежит тейгу. Постепенно увеличиваю напор...

Лопнувшая перемычка, разорвавшейся струной стегнув по энергетике многоножки и гидры, наносит болезненный удар заодно и по мне.

— С-скотина! — не хуже Печеньки шиплю, выбитая из транса. Ощущения пусть и не дотягивали до оборванной каким-нибудь свободолюбивым мертвяком привязки, но всё равно не радовали. Очень больно, пусть и не до потери восприятия.

Ловлю на себе обиженный взгляд Печеньки, которая тоже почувствовала боль.

— Да не специально я, не смотри так, — бурчу недовольно. — Неудачная попытка. И мне тоже досталось. Между прочим, сильнее, чем тебе.

— Сши, — с лёгким недоверием к горе-экспериментаторше фыркнула гидра, которая после вербовки на южных болотах изрядно побаивалась боли-без-ран, читай — атак, бьющих напрямую по духовным оболочкам.

Тоже мне, выискалась критиканка! Вон, Хрустик молчит и не жужжит!

Потому что тупой и с подавленным сознанием, да. Кхм... ну, хоть курящий поодаль Юрэй воздержался от комментариев.

Что же, раз оперировать с такой вещью, как духовная связь, у меня не очень-то вышло — а так хотелось поиграть с настройками оной, защитив соединение от возможных помех и разобравшись, как его улучшить! — то стоит для начала сосредоточиться на одном направлении, не пытаясь прыгать выше головы и совмещать сразу несколько аспектов воздействия.

Вновь встав между колоннообразных конечностей Печеньки и Хрустика, начинаю передавать энергию от одного к другой. В отличие от первой попытки, не пытаюсь ускорить поток идущей сквозь меня силы, а стараюсь как бы выдавить его на периферию — так, чтобы его русло проходило не сквозь мою ауру, а по краю, взаимодействуя, но не касаясь её.словно поезд на магнитной подушке из прошлого мира, что движется по монорельсу, опираясь не на сам рельс, а на генерируемое поле.

На этот раз болезненных эксцессов не произошло.

Отлично!

Понаблюдав за потоком и убедившись, что он не собирается дестабилизироваться, плавно начинаю наращивать его скорость и ширину. Впрочем, увеличение, хм, площади сечения вскоре пришлось приостановить: опережающими темпами начали расти потери духовной силы, а вместе со снижением КПД передачи стала падать и стабильность образования. Зато скорость потока на его стабильности не отражалась почти никак. Её я и стала наращивать, остановившись лишь в момент, когда соотношение сечения канала и количества энергии, прошедшей через него за единицу времени, начало внушать опасения. Нет, стабильность он сохранил — но по прикидкам, если пойдёт дестабилизация, то случайный выплеск энергии

станет... неприятным, причём даже на текущем максимуме.

Поэтому если я и стану поднимать верхнюю планку — то только убедившись, что этот своеобразный «высоковольтный кабель», неаккуратная работа с коим чревата травмами, не склонен к случайным разрывам и «пробоям изоляции». Потому что если поток такой силы внезапно расфокусируется и влетит мне в ауру, результат станет в лучшем случае болезненным. В худшем — даже калечащим.

Как говорится, тише едешь — дальше будешь.

Тем не менее, и такого ограниченного потока оказалось достаточно, чтобы Печенька ощутила эффект, который, стоило мне снизить глубину транса, выразила довольным шипением.

— Вот видишь, теперь всё в порядке, — удовлетворённо произношу. — Я совсем не собиралась тебя мучить. Что за странные идеи? Мы ведь на одной стороне!

Теперь осталось понаблюдать за работой новосформированного канала, запомнить результаты. Занести в блокнотик характеристики самого канала: устойчивость и стабильность без поддержки с моей стороны, граничные условия приемлемой работы единичного канала, допустимое количество дополнительных потоков и так далее. Записать на бумагу влияние энергообмена на испытуемых существ: усвоение чужеродной силы энергетикой высокорангового монстра, эффекты этого усвоения, усвоение силы многоножки более слабым, нежели гидра, существом, усвоение силы гидры иным немёртвым, влияние основных атрибутов донора на архитектуру ауры и тела акцептора и иные.

В конце концов, попробовать пустить поток в обе стороны, создав своеобразную «технику парной культивации».

Ну а после завершения цикла первичных экспериментов на основе полученных данных построить общую модель, проверив и подтвердив правильность работы которой, её станет возможным использовать для вычисления наиболее результативных методов развития для каждого конкретного существа. Да и протянуть ментальные каналы между марионетками, оттолкнувшись от этой базы, тоже можно попробовать, раз уж не получилось сразу проверить подобное через манипуляцию с «духовными нитями» Яцуфусы.

Да-да, всё это — прямое и практическое применение того самого научного метода, который дал столь хорошего пинка прогрессу человечества мира прошлого...

И который малоизвестен — скорее вообще забыт — в мире нынешнем: что в Империи (помним закон «О разумном ограничении распространения опасных технологий», который буквально уничтожил остатки имперской науки), что среди остальных стран, что с готовностью собезьянничали такой подход, оставив ценные знания для внутреннего пользования различных кружков по интересам.

Но ничего! Осталось подождать не так уж долго, в будущем это изменится: тот же Пауль — а также его подопечные «бесталанности» — с удовольствием и азартом пользуются новым-старым-переоткрытым методом познания уже сейчас. Да и инженеры моих предприятий вполне себе знакомы с методикой, некоторые даже стали её популяризировать. Ну, те из и так немногочисленной прослойки, которым интересна научная деятельность и которые способны успешно совмещать её с работой. Всего лишь несколько человек, пока.

Но на то они и популяризаторы, чтобы впоследствии проникшихся подходом стало больше.

Для реализации наших (моих) долгосрочных планов критически необходим технический прогресс, позволяющий создать избыток ресурсов (да, монстры не любят вонючие и шумные производства, но и с ними можно разобраться); а значит, имперской науке предстоит возродиться из того тухлого, гниющего замертво болота, что кое-как шевелится и пускает пузыри лишь благодаря талантливим энтузиастам вроде Стайлиша.

Я с немалым уважением отношусь к эксцентричному, аморальному и немного безумному — но, безусловно, гениальному «самому стильному учёному Империи», который, как знает даже рядовая убийца, переоткрыл много старых и изобретал не меньше новых крутых и полезных вещей... Да, полезных, но единичных — а потому очень дорогих и почти никому не нужных. Однако пока открытия совершаются одним учёным, дружно игнорируются другими и уж точно не влияют на производство — издержки коего (соответственно и себестоимость продукции) тем ниже, чем больше его масштаб — их, можно сказать, и нет. Хорошим иллюстративным примером из старого мира может считаться знаменитый Кулибин. Столько всего изобретал — и в механике, и в оптике, и даже в бионике, вернее, протезировании! — а сколько из этого списка пошло в массы? Считай, ничего.

Но если «зараза» новых взглядов распространится среди молодого поколения и получит поддержку от сначала некоторых наших — или работающих с нами — предприятий, потом от

не брезгующих промышленным шпионажем конкурентов, а затем и многих других, последовавших примеру удачливых первопроходцев... мне ведь не монополизировать подход с его вкусными плодами надо, мне требуется сорвать с мира сонную пелену!

За жалкие полтора века земной истории скакнуть от деревянных абаков и гужевого транспорта до электронных девайсов, реактивных самолётов и ракет — это, согласитесь, неплохо. Особенно если сравнивать проделанный путь с медленным, но стабильным регрессом в окружающем меня ныне имперском мире.

Пусть моя новая родина и готова предоставить вполне достойный уровень жизни для своих состоятельных граждан, однако мне, как человеку, помнящему прошлую жизнь с её порою раздражающими, но в целом полезными и приятными чудесами технологии, хотелось их вернуть. Доступная мобильная связь — да даже просто проводная, которая элементарно создаётся на базе технологий 19 века... если знать нужную электрическую схему или принципы работы... и-эх... мне-Виктору стоило лучше учиться и запоминать такие вещи! — телевизор, компьютер, интернет. Да что там, за одни только стиральные машины миллионы домохозяек отольют мне памятник из чистого золота! В масштабе десять к одному. И второй — за массовую бытовую химию.

Пускай я почти не представляю, как создать эти устройства (кроме стиральных машин и, пожалуй, проводного телефона, насчёт которого в памяти крутятся какие-то смутные обрывки; да и нет ничего особо сложного в преобразовании звука в электрические импульсы и обратно, его — если верить школьным урокам физики — безо всякой электроники или электрики вроде бы производят кристаллы, типа тех, что в пьезозажигалках). Но если озадачить вопросом возрождённое научное сообщество...

Или стоит пойти альтернативным путём маготехники, как с кинжалом и плеером? Всё же тут я знаю и умею несколько больше, а духовная и жизненная силы ничуть не хуже электричества. Да и Пауль в этой области соображает лучше, чем в железках.

Хотя одно другому не мешает, даже наоборот.

— Эта гидра действительно способна понимать речь и общаться на человеческом уровне? — голос приблизившегося Юрэя отвлек мой разум от отстранённых размышлений.

Всё же моё сознание, будучи с запасом разогнанным на случай эксцессов, в спокойной обстановке оказалось недостаточно нагружено текущими задачами по наблюдению процессов в телах донора и акцептора, энергоканале между ними, фиксацией этого на бумаге и остальной текучкой, а потому с готовностью погружалось в отвлечённые думы. Или в не менее отвлечённые разговоры.

— Вполне, — произношу, сделав в блокнотике очередную пометку. — Если есть желание, могу выступить переводчиком и дать вам поболтать.

— Не нужно, — едва заметно покачал головой мужчина. — Не устаю восхищаться широтой возможностей этого меча. Не мудрено, что Мертвитель остался в легендах.

— Тут всё по большей части от владельца зависит, — несогласно качаю головой. — Тот же Инкурсио, полагаю, помимо чисто защитных свойств брони и «козырной карты» невидимости, способен даровать владельцу почти любые способности: полёт, энергетические атаки, устойчивость к любым средам, метаморфизм. Всё же его основой послужил славящийся своей приспособляемостью дракон. Даже высокая синхронизация не нужна, лишь воля и разум: я знаю, как нащупать связь и поэтапно её развить. Полагаю, с квазиживым артефактом проделать это окажется ещё легче, чем с моей Яцуфусой.

— Я не для того передавал свой тейгу ученику, чтобы забирать назад, — подумав, что уловил подоплёку моих слов, сказал Генсэй. — Если Адаусу меня не приняла, значит, попробую иной путь, — некогда сильнейший в Империи кивнул на неподвижную машину Хрустика и замершую рядом с ним довольную Печеньку.

— Я и не настаиваю, — сделав очередную пометку в блокноте, пожимаю плечами. — Булат и мне симпатичен — хороший человек. Да и сестра с ним дружит. Лучше скажи: как там идёт подготовка к возвращению твоей истинной личности и открытию Школы?

— Хорошо, — ответил миньон с нечитаемым в голосе и мимике, но, тем не менее, вполне себе существующим облегчением. — Смерть министра Кокэя с последовавшими перестановками значительно ослабила позиции моих врагов. Полагаю, я смог бы вернуться и без подготовки: у меня остались недруги в Столице, но активно действовать они не рискнут... сразу, — чуть помедлив, добавил он.

— А сейчас? С подготовкой? — Любопытно склоняю голову к плечу. — Синдикат и остальная моя агентура, надеюсь, оказались полезны?

— Да. Они предоставили информацию о том, к кому из друзей и союзников стоит подойти в первую очередь, к кому обращаться, когда закреплюсь, а кто перешёл в стан противников. Прямых врагов они тоже обещали незаметно отвлечь. Но заявлять о себе и идти вперёд с открытым забралом я всё равно не планирую. Не те года, кхех, — как-то совсем по-стариковски усмехнулся миньон. Вместе с его текущим относительно молодым обликом — чуть состаренным относительно версии Юрэя на Северо-востоке, но даже не седым! — это выглядело диссонирующе. — Разве Счетовод этим не делился?

— Только краем, беглым упоминанием. Я с ним лично ещё не встречалась. А пока сидела в тюрьме и общалась мысленно, мы концентрировались на иных вещах.

— Мастер в тюрьме! — презрительно фыркнул мужчина. В его эмоциях плеснуло не наигранное, ядовито-саркастичное раздражение. — Эти глупцы из правительства в своих вечных кулуарных играх совсем растеряли связь с реальностью!

— Давай лучше вместо чужой глупости обсудим более конструктивные вещи, — сказала я, с неудовольствием вспомнив отчёты, встречи и множество вопросов, возникших как благодаря этой самой глупости отдельных чинов, так и в связи с затеянной мною игрой, в некоторых аспектах прошедшей слишком удачно. — Скажем, про того наставника, что ты рекомендовал для моей младшей сестрёнки и не в меру активного приёмыша.

— Достойный человек, — степенно кивнул собеседник, успокаиваясь. — Если я правильно понял, что представляют собою ваши близкие и то, чего вы для них желаете, то он — их тех, кого я знаю и о ком только слышал — лучший. Пусть Алекс не сумел высоко продвинуться по тропе Воина Духа и не выглядит грозно, но это не повод смотреть на него свысока, — задумчиво сказал старик.

Для боевого маньяка, который, быть может, и не такой социал-дарвинист, как Эдес, но тоже находится где-то в её стороне воображаемой шкалы, подобные слова говорили о многом.

— Не всем талант к стезе воителя дарован вместе с любовью к ней, — продолжил Генсэй-Юрэй.

— И лишь единицы из них наделены таким упорством, как Алекс. Даруй судьба чуть больше божественной искры этому мальцу, и он бы вошёл в ряды лучших. Но и сейчас... Самый бездарный, по мнению большинства наставников, ученик стал пиковым Адептом, — миньон усмехнулся. — И превзошёл половину своих учителей, — последнее слово, несмотря на то, что старый Мастер не играл мимикой или интонациями, явственно сочилось ядом сарказма и презрения. — Мечник, лучник, ганфайтер, немного алхимик, сапёр и даже мастер зверей — там, где он не мог подняться ввысь, он двигался вширь. И поверь, госпожа: чтобы взрастить зерно юного таланта, нет лучшего наставника, чем тот, который превозмог собственную посредственность. Там, где взлетевший по ступеням силы Мастер будет насмеяться над чужой глупостью и непонятливостью, продиравшийся ногтями и зубами Адепт увидит и поможет преодолеть все «узкие места».

Учитывая рост этого воителя, что действительно слабо походил на опасного человека, которым по определению является Адепт, тем более подобравшийся к верхней грани ранга, то все замечания про невозможность расти ввысь звучали как слегка завуалированное издевательство.

Звучали бы, не умея я читать эмоции. Мой миньон действительно говорил об этом не выглядящем на свой возраст пятидесятилетнем мужчине полутораметрового роста с неподдельным уважением. Да что там с уважением — даже с толикой восхищения! А мальцом для столетнего воителя этот Алекс являлся только с точки зрения возраста.

Представив, насколько маленькому и не имеющему таланта юноше было тяжело пробиваться к своей мечте — стать настоящим воителем — сквозившее в словах миньона уважение становилось несложно понять. Пусть для меня или Юрэя всего лишь Адепт — мелочёвка, практически пыль под ногами. Но так-то этот ранг является вполне приличным уровнем; человек, добравшийся до него, становится «сам себе отряд спецназа» — и почти недостижимым пределом мечтаний для большинства одарённых.

А тот карликовый воитель (хотя мне ли шутить на сей счёт?), привлечённый в первую очередь обещанием расплатиться высокоэффективной алхимией для воителей, вполне имеет шансы стать Воином, которых, на минуточку, в громадной Империи и вовсе лишь несколько тысяч. Ну, или, если прибавить число по тем или иным причинам не зарегистрированных бойцов — вроде членов кланов убийц, бойцов полубандитских племён, революционеров и остальных, — то тысяч, может, десять. Но это уже с натяжкой. Насколько я помню статистику, в силовых структурах Империи (разведка, полиция, армия и флот) служат не более тысячи-полутора Воинов.

Неплохо для невысокого и сублильного «самого бездарного ученика», что до сих пор издали

похож на ребёнка, не правда ли?

— Я не сомневалась в твоей рекомендации, Юрэй. Тем более в такой, когда даже подобный тебе Мастер говорит о рекомендуемом чуть ли не с восхищением, — к моему удивлению миньон едва заметно кивнул, явно признавая за собой такое чувство. — Меня скорее удивляет, что он зарабатывал как охотник на чудовищ, а не воспитатель для высокородных детишек. Аристократия ведь стремится дать своим наследникам хотя бы минимальные способности, и такой специалист для них будет очень ценен. Разве нет?

Миньон покачал головой.

— Вы слишком хорошего мнения об имперской аристократии, госпожа моя. Нынешние дворяне, а тем более пролезшие в высшее общество, — мимолётный, полный презрения изгиб угла рта, — торгаши предпочитают гнаться за красивой формой, не за сутью. Те, кто может себе такое позволить, предпочтут нанять знаменитого и впечатляющего внешним видом воителя-наставника, которым можно похвастаться среди своих. А Алекс ведь ещё и гордый. Он не станет покорно сносить пренебрежительное отношение от худородных нуворишей.

— Угу, а те, что живут рядом с Дикоземьем или имеют крепкие военные традиции — те и сами способны обучить наследников, — покивала я, одновременно с разговором внося в блокнотик новые показания наблюдаемого энергоканала, связывающего двух моих чудовищ. — Я смотрю, с приездом в Столицу ты стал более эмоциональным. Хорошие воспоминания?

— Разные. Мы, старики, таковы, что, вернувшись в памятные места, не можем не вспомнить былое...

Так, ведя беседы ни о чём и периодически касаясь деловых моментов, мы провели ещё час. После чего, собрав достаточно информации и наметив план для следующего этапа совмещённых с тренировками исследований — к примеру, заскучавший к концу Юрэй предложил, по аналогии с алхимстероидами для воителей, сначала влить в гидру более плотную энергию многоножки, а потом заставить «раструсить» её в учебных схватках — мы покинули эту истерзанную местность.

В скором времени мне предстояло пообщаться со Счетоводом, провести на Базе вечернее

занятие для ребят, а потом посетить Пауля, дабы узнать, что за показания дали исследования моего тела и какие результаты он из них вывел. Да и новообретённый "домик в Столице" следовало бы нормально проинспектировать. Переезжать в новое жилище в ближайшие полгода-год планов не имею: для человека, ежедневно посещающего Подземную Базу, нынешнее моё жилище расположено удобнее. Но даже если я решу на этот срок сдать пока ненужную элитную жилплощадь в аренду, надо хотя бы примерно понять, что она — и содержащие её в приличном виде слуги — собой представляет.

Дела-дела... Но пока новоиспечённую недофаворитку малолетнего Императора не ограничивают в передвижениях и не обременяют слежкой, этим надо пользоваться. Хотя, надеюсь, я всё просчитала верно, и настолько большого (и преждевременного) интереса у власть имущих моя персона не возбудит.

Ну а если и возбудит, то Сайкю вовремя отправит нашу группу на новую миссию у чёрта на рогах — на Север, полагаю — чтобы не переманили. Или просто из желания убрать нас подальше от Онеста и Ко.

Примечание к части

Пункт тапкоприёма открыт)

А.Н. — бечено хЗ.

Про лёгкость преобразования акустических сигналов в электрические и обратно — чистейшая правда. Действительно, есть кристаллы двух классов (сегнетоэлектрики и пьезоэлектрики), способные на это. Нынче они используются буквально везде: в микрофонах, электрических весах, датчиках давления и температуры, некоторых жидкокристаллических мониторах и мн. др.

А в первых проводных телефонах вообще обходились угольными мембранами. Да-да! "Из угля и меди", так сказать. Ну, плюс изоляция.

Сложности в телефонии начинаются, во-первых, там, где надо усиливать сигнал, идущий уж слишком издалека (междугородная и межконтинентальная связь), и во-вторых, там, где требуется создавать АТС без телефонисток, на электромеханике. Но вообще, зная принцип, простейший проводной телефон без переключений между абонентами и "добивающий" на километр-другой можно создать на технологиях даже не конца 19, а конца 18 века, если не того раньше.

В общем, ГГ переоценивает техническую сложность задачи — и упускает возможность заделаться монополистом в области связи, став "телефонной бароншей" (для начала) всея Столицы.

...впрочем, политическую сложность задачи она оценивает адекватно. Столичная нищета ночами потырит недешёвые провода, а днём жадные магнаты отождут жирный по доходам стартап — на том и закончится всё её телефонное баронство... если не направить революцию в правильное русло.

<http://tl.rulate.ru/book/57083/5048437>